

ПОДВИГ, ТРАГЕДИЯ И СВЯТОСТЬ СОВЕТСКОГО СОЛДАТА В РАССКАЗЕ Е. НОСОВА «КРАСНОЕ ВИНО ПОБЕДЫ»

Аль Каби Мохаммед Фрайех Кубейш

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Поступила в редакцию 2 мая 2025 г.

Аннотация: в статье исследуется рассказ Е. Носова «Красное вино победы». Рассказывается о подвиге советского солдата, победившего гитлеровскую Германию, о трагедиях, которые война принесла практически в каждую семью. Детально рассматривается мотив святости героев в евангельских параллелях. Герои рассказа такие же мученики, как Христос и Его Апостолы, также принешие себя в жертву во имя мира и справедливости.

Ключевые слова: трагизм войны, героизм, святость, жертва, тяготы военной жизни, мученичество, таинство, мотив крещения, причащения, поминовения.

Abstract: the article examines the story by E. Nosov "Red Wine of Victory". It tells about the feat of a Soviet soldier who defeated Nazi Germany, about the tragedies that the war brought to almost every family. The motif of the heroes' holiness in the Gospel parallels is examined in detail. The heroes of the story are the same martyrs as Christ and His Apostles, who also sacrificed themselves in the name of peace and justice.

Keywords: tragedy of war, heroism, holiness, sacrifice, hardships of military life, martyrdom, sacrament, motive of baptism, communion, commemoration.

Евгений Носов (1925-2002) принадлежит к поколению писателей-фронтовиков, мужественно перенесших военные невзгоды, участвующих в тяжелом послевоенном восстановлении огромной страны. Он является одаренной личностью, очень совестливым и утверждающим в своих произведениях постулат о том, что рядовой солдат, герой в конечном счете и решает исход войны, поскольку смиренно несет свой крест как часть общей ноши и скромно сознает себя каплей среди безбрежного океана воющего народа.

Рассказ Евгения Носова «Красное вино победы» (1969) автобиографичен. Писатель, проходя службу в рядах армии Рокоссовского, в 1944 году получил ранение и конец войны провел в госпитале. Эти события, видимо, и нашли свое отражение в рассказе. Е. Носов в своем небольшом по объему произведении не дает ни одной батальной сцены. Однако писателю удалось показать, какую страшную, непомерную цену великой и святой жертвы заплатил советский народ ради всеобщей Победы, какие тяжелые потери понесли советские люди. Рассказывая историю о раненых защитниках Родины, попавших в госпиталь, Е. Носов ставит философские вопросы о войне, малой родине, смысле жизни. Война в рассказе воспринимается автором как тяжелый, но необходимый урок, помогающий человеку постичь как свою сущность, так и природу бытия.

Рассказ внешне неброский, но пронзительный, его название — «Красное вино победы» — ассоции-

руется и с кровью — ценой победы, и с вином — «праздником со слезами на глазах», и с таинством Причащения. Повествование ведется от первого лица, но не в реальном времени, а как воспоминание: рассказчик — юноша двадцати одного года возвращается в прошлое, в тот день, когда он, пребывая в Серпуховском госпитале, вместе со своим соседями по палате, встретил известие о капитуляции фашистской Германии.

Сюжет и композиция произведения на первый взгляд безыскусны. Это история о солдатах в госпитале, но в ней очевидно проступают черты экзистенциальной драмы и национальной мистерии. «О войне написано много, — говорил Е. Носов, — и мне хотелось бы углубить эту тему, исследовать солдатскую психологию». [3, 500].

Опираясь на эту мысль, автор в своих произведениях, в том числе и в рассказе «Красное вино победы», не рисует непосредственно военные действия, а раскрывает потаенные уголки души советского солдата. Писателя интересует прежде всего внутренний мир искалеченных войной героев, чудом оставшихся в живых и не только радующихся, что скоро будут дома, но и испытывающих некоторую зависть к своим однопольчанам, которым выпало «мат ставить», брать Берлин без них.

Сюжет рассказа не отличается насыщенностью событий в привычном смысле этого слова: несколько раненых солдат проходят лечение в серпуховском госпитале накануне окончания Великой отечественной войны, весной 1945 года. Мастерство Носова здесь проявилось в том, что он сумел показать весь

трагизм войны, искалечившей судьбы многих советских граждан, лишь изображая процесс ожидания дня Победы, ее предчувствие.

В образ каждого героя произведения автор вложил много сокровенного, несколькими штрихами показав героизм, трагизм и святость советского человека, принесшего каждый свою жертву на алтарь Победы.

Поступив в госпиталь, раненые сначала удивляются непривычной белизне и тишине палат, ведь они перенесли все тяготы военной жизни: прорыв восточно-прусских укреплений, промозглость и сырость Мазурских болот, ветров и туманов Балтики. Страшную картину войны писатель рисует, показывая операционную, расположенную в сосновой роще, в которую попадает герой-рассказчик, прежде чем его отправят в госпиталь. Хирург выполняет свой долг и работает умело, несмотря на смертельную усталость, и автор подчеркивает его святость, почти как у христианского мученика, положившего свою жизнь во имя победы Света над Тьмой. Хирург «*сухой, сутулый, с желтым морщинистым* лицом и закатанными выше *костлявых* (выделено здесь и далее мной. — М. А. К.) локтей рукавами халата... выпрямлялся и, как-то *мученически*, неприязненно, красноватыми от бессонницы глазами взглянув на остальных, которые ожидали собственной очереди, решил уйти в угол мыть руки... и я видел, как острилась его *узкая* спина... и как *устало* обвисали плечи» [1, 188-189]. Следующий! — выкрикивает хирург и воздевает кверху обтертые спиртом *длиннопалые ладони* [1, 190]. (Как у святых и мучеников, изображенных на православных иконах).

Солдат война делает инвалидами: у кого-то ампутируют руки, у кого-то — ноги, а у кого-то навсегда остаются осколки от снарядов в теле. Описание операционной под открытым небом вызывает у читателя ужас и сочувствие к героям, не побоявшимся пожертвовать собой во имя Победы. И медсестра, «с механической однотонностью, как, наверное, уже сотни раз прежде» тормозит прооперированного, чтобы он освободил место для следующего, и приговаривает: «Солдат, а солдат...». [1, 190] Здесь автор как бы обезличивает солдата, вместо индивидуального «я» — монолитность «мы».

Но и личные трагедии показаны в рассказе. Например, история сапера Михая, молдаванина, лишившегося на войне обеих рук. Он вызывает молчаливое сострадание у героев рассказа, которое передается и нам, читающим строки о том, как Михай не может себя обслужить в простых и обыденных ситуациях — расстегнуть пуговицу на штанах, чтобы сходить в туалет. Ему однажды санитарка тетя Зина предложила помочь, но «все-таки не дал пуговицу отстегнуть, застенялся... Все, бывало, стоит, ждет, пока какой-нибудь раненый заглянет» [1, 197].

Или сцена ликования советских граждан после известия о Победе, в которой Михая какая-то девуш-

ка радостно бросила букет цветов, и «позабыв, что у него нет рук, потянул к цветам куцые предплечья, но не достал и лишь взмахнул в воздухе пустыми рукавами» [1, 204] и, как усиливающий эмоциональный накал аккорд, возглас женщины: «Да миленькие ж вы мои-и-и! Ох да **страдальцы** горемычнии-и! Сколько кровушки вашей пролита-а-а...» [1, 204] — что подчеркивает ореол мученичества и праведности советского солдата. Горе и боль войны и евангельское утверждение, что нет любви сильнее, чем жизнь свою отдать за друзей своих, подчеркивает грянувший «неизвестно откуда взявшийся оркестр»:

Вставая, страна огромная,

Вставай на смертный бой...

И эти герои, изувеченные войной, с трепетом ждут день Победы, о котором мечтали и за который сражались. Подмечают детали, которые указывали бы на приближение этого дня. Так, ранее даже искалеченные войной и ставшие инвалидами солдаты продолжали трудиться для фронта, оправдывая лозунг «Всё для победы», но сейчас им выдавали костыли, довольствие и отправляли по домам. Герои истосковались по мирной жизни, по своей малой родине и вспоминая о ней, спорят, чьи края красивее и лучше. Даже Копешкин, стоящий на пороге смерти, пытается рассказать о своей деревеньке с домом и скворечником на дереве рядом с ним, о жене и трех сыновьях. Эта деталь еще раз подчеркивает духовную чистоту героев рассказа.

Повествование в рассказе развивается неспешно, но напряжение ожидания победы увеличивается с каждой строчкой и вот, наконец, этот день наступает — начальник госпиталя — полковник Туранцев распоряжается сменить в палатах постельное белье, приготовить «кабанчика» и, по случаю такого торжества, налить всем немного красного вина.

Автор произведения осуществляет тонкий психолого-аналитический разбор внутреннего мира военнослужащего, реконструируя экзистенциальный опыт рассказчика через призму телесных и эмоциональных реакций. Физиологическая конкретика душевного потрясения передается синтезом сенсорных образов: «Я вдруг остро ощутил, что госпитальные часы отбили какое-то иное, новое время... Что-то враз обожгло меня изнутри, гулками толчками забухала в подушку напрягшаяся жила на моем виске» [1, 200]. Данный фрагмент, акцентирующий переход в новую онтологическую реальность, получает контрапункт в следующем эпизоде, где коллективное переживание обретает почти сакральный характер. Акустическая доминанта («Коридор гудит от стука и скрипа костылей» [1, 201]) трансформирует бытовую деталь в универсальный символ жизнеутверждающего начала — ритмический гул становится здесь своеобразным камертоном торжествующей витальности, преодолевающей индивидуальные травмы.

И в этот праздничный миг тихо и незаметно умирает на своей койке Иван Копешкин. Трагизм его смерти заключается в том, что умер он под залпы салюта в честь победы, и это становится кульминацией рассказа, дает возможность писателю поставить вечный философский вопрос о смысле жизни и о бессмертии человека. Рассказчик, смотря на пустую постель, на которой когда-то лежал Копешкин, не может осознать факт смертности человека, особенно в отношении себя: «Сам факт моего ранения я пытался приспособить к моей наивной теории бессмертия: ведь я только ранен, а не убит!.. не допускал понимания, что я тоже могу превратиться в нечто непостижимое...» [1, 210].

Раскрыть экзистенциальную проблему жизни и смерти, подлинного бытия помогает евангельский подтекст. В рассказе «Красное вино победы» святость советского воина подчеркивается и параллелями с евангельскими источниками, евангельской символикой. Рассмотрим, например, символику числа. В начале произведения говорится о том, что в палате лежат двенадцать раненых. У Христа тоже было двенадцать апостолов — святых праведников, большинство из которых приняли мученическую смерть за то, что старались освободить человечество от дьявольских оков, проповедуя слово Божье. В контексте историософской символики особого внимания заслуживает образ двенадцати раненых воинов, чьи гипсовые повязки, уподобленные аскетическим веригам, создают многомерную метафору жертвенного служения. Такая визуальная аллегория, помещенная в стерильное пространство белых потолков, медицинского белья и хирургических халатов, обретает сакральный подтекст через реминисценцию к поэтике А. Блока. Как демонстрирует анализ поэмы «Двенадцать» (1918), белый цвет в творчестве символиста выступает не только хроматическим элементом, но и носителем эсхатологической семиотики, связывающей революционных персонажей с апостольской миссией (строфы с белоснежным венчиком роз как маркером избранничества).

Переноса данную парадигму в реалии Великой Отечественной войны, автор проводит типологическую параллель: подобно евангельским ученикам, воины-страстотерпы противостоят персонафицированному абсолютному злу (фигура Гитлера как антихристово воплощения), а их страдания приобретают характер литургического действия. Физические муки на поле боя и хирургические манипуляции с минимальной анестезией (что документально подтверждается отчетами военно-медицинской службы 1941-1945 гг.) трактуются как современная версия крестного пути, где медицинский инструментарий становится аналогом орудий Страстей Господних. Данная интерпретация позволяет рассматривать подвиг солдат не только в героико-патриотическом, но и в сакрально-историческом дискурсе. Так же му-

чилились и хирурги, медсестры, сиделки — усталые и изможденные от непомерных нагрузок и бессонницы. Как и святые мученики, они не роптали, а смиренно и терпеливо несли свой крест, отдавая жизнь свою во имя великой цели.

К началу марта в палате осталось семеро раненых: двое умерли, троих выписали. Эти семеро — сам рассказчик, Бугаев, Бородухов, Михай, Саенко, Саша-Самоходка и самый тяжелый больной — Иван Копешкин. Особого внимания заслуживает описание событий, хронологически предшествующих Дню Победы, который ознаменовал не только крах нацистского режима, но и гибель Третьего рейха, представленного в тексте как апокалиптическое падение «дьявольского царства». Фигура Адольфа Гитлера, пребывавшего в завершающие дни войны в «подземном бетонном логове», приобретает здесь семантику inferнального антигероя. Данная характеристика опирается на архетипическую связь понятия «логово» с образом змея в древнерусской культурной традиции, где змей выступает универсальным символом хтонического зла, несущего разрушение и страдания.

Проводимая в тексте параллель с эсхатологическим сюжетом Откровения Иоанна Богослова (Апокалипсиса) углубляет метафорическую структуру повествования. В частности, отсылка к образу семи Ангелов, ниспосланных для исполнения божественной кары (Откр. 15:1), служит основой для аллегорического сопоставления [4: 3.10]. Если в библейском тексте «семь последних язв» (Откр. 15:1) завершают эру господства дьявола, то в анализируемом контексте семь раненых бойцов советского воинства символизируют коллективное жертвенное начало, приведшее к уничтожению «царства тьмы» — нацистской Германии.

Подобное уподобление акцентирует не только историческую, но и метафизическую значимость Победы, интерпретируемой как триумф сил света над inferнальным злом в его материализованной форме.

Таким образом, нарратив выстраивается на синтезе исторического факта и религиозно-мифологического подтекста, где военнополитический крах Третьего рейха осмысливается через призму вечного противостояния добра и зла, артикулированного в рамках христианской эсхатологии.

Мотив святости советского человека, смиренного перенесшего все тяготы войны, также как и мотив крещения, причащения, поминовения проходит через все произведение. Красное вино победы, которое пьют раненые, еще и красное вино, которым причащаются христиане. Солдаты, пролившие свою кровь, очистили человечество от грязи, искупили своей жертвой его грехи, как когда-то искупил грехи человечества умирающий на Кресте Христос. «Смертию смерть поправ», — эти строки пасхального канона можно отнести и к подвигу советского воина, по-

гибшего ради жизни будущих поколений. В рассказе Н. Носова акт употребления вина обретает сакральный подтекст, что подчеркивается детализированной реконструкцией ритуала: «Саенко... с особым тщанием разложил стаканы по прикроватным тумбам. В его движениях сквозила сосредоточенная серьезность, а аскетично сжатая нижняя губа, подобно священнослужителю, совершающему литургию, придавала действиям оттенок священнодействия» [1, 211-212]. Сами же сосуды, переливающиеся рубиновой гущей до самых краев, контрастировали с асептической монохромностью больничного пространства, трансформируя бытовой эпизод в символический акт, исполненный метафизической значимости.

В финале рассказа читатель испытывает двойственные чувства, поскольку радость омрачается смертью Копешкина, и красное вино, пролитое на его подушку, кажется его соседям по палате «темным и таинственным», напоминающим пролитую кровь. День Победы, таким образом, это еще и день поминовения.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Аль Каби Мохаммед Фрайех Кубейш, аспирант

E-mail: mkabi2011@mail.ru

Советский солдат, ценой непомерных усилий и зачастую ценой собственной жизни совершил великий подвиг — победил гитлеровскую Германию. Трагедия войны коснулась практически каждой советской семьи, и святая жертва всех причастных во имя Победы останется в памяти будущих поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евгений Носов. Красное вино победы. Рассказы / Носов Евгений. — М.: Дет. лит., 2020. — 343 с.
2. Гусева В. П. Вино. Вина. Война: Читаем рассказ Евгения Носова «Красное вино Победы» / В. П. Гусева // Библиотека в школе. — 2004. — № 7. — С. 22-25.
3. Книга о мастере. Холмы и берега Евгения Носова. Очерки творчества. Курск: Крона, 1998. — 895 с.
4. Новый Завет. Послание Св. Апостола Иоанна Богослова. — М., 1968. — 3.10
5. Подзорова Н. На тысячу верст кругом Россия / Н. Подзорова // Корни и побеги: проза 60-х — 70-х гг. — М., 1979. — 232 с.

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Mohammed Frayyen Kobaish Al-Kaabi, Postgraduate student

E-mail: mkabi2011@mail.ru